

М.М. Дунаев

«Хористка»

Замкнувшиеся в себе люди просто не способны увидеть в человеке именно ближнего своего, подобного им самим, обладающего собственным достоинством, как бы низко он ни пал в какой-то момент. Самозамкнутость разжигает гордыню, увлекающую к унижению достоинства ближнего, хотя оскорбляющий ни на миг не сомневается в своей правоте, будучи не способным ощущать и сознавать страдания других.

В рассказе «Хористка» (1886) сытый господин, имеющий на содержании жалкую хористку, становится невольным свидетелем, какому унижению подвергается его жена, которой он изменял, которую разорил и которая вследствие того принуждена была унижаться «перед этой девкой». Кажется: достойны сочувствия и несчастная жена, и её прозревший муж — но Чехов умеет отвергать банальности, заставляет взглянуть на событие с иной точки зрения. Оказывается: замкнувшиеся в своём благородстве люди просто не замечают жалкой приниженности и страдания презираемого ими существа; благородство отдаёт фальшью и черствостью, даже в порыве как будто искреннего горя гордыня упивается собственным превосходством над приниженным созданием. Благородство недостойно самоутверждается даже в такой момент.

«Паша вскрикнула от испуга и замахала руками. Она чувствовала, что эта бледная, красивая барыня, которая выражается благородно, как в театре, в самом деле может стать перед ней на колени, именно из гордости, из благородства, чтобы возвысить себя и унижить хористку».

Так же гадок в своём порыве и блудный муж, жестоко оскорбляющий и без того униженную женщину:

« — Боже мой, она, порядочная, гордая, чистая... даже на колени хотела стать перед ... перед этой девкой! ... Отойди от меня прочь... дрянь! — крикнул он с отвращением, пятясь от Паши и отстраняя её от себя дрожащими руками. — Она хотела стать на колени и... перед кем? Перед тобой! О, Боже мой!

Он быстро оделся и, брезгливо сторонясь Паши, направился к двери и вышел».

Брезгливо сторониться нужно было бы себя самого. В происшедшем несчастная хористка была виновата менее всего, но и унижена более всего. Она же, пусть и в минутном порыве, единственная оказалась способною к сочувствию, отдавши все свои «вещи» (броши, браслет, бусы и пр.), полученные, к слову, от других «гостей». Но лишь авторское сострадание — на стороне нелепой падшей женщины. Рассказ завершается характерной чеховской подробностью:

«Паша легла и стала громко плакать. Ей уже было жаль своих вещей, которые она сгоряча отдала, и было обидно. Она вспомнила, как три года назад её ни за что ни про что побил один купец, и ещё громче заплакала»